

«Счастье — это миг»

Марина Владимировна Полякова-Байдарова. Известная всему миру Марина Влади. Парижанка русского происхождения, впервые приехавшая на родину своих предков в 1959 году на первый Московский кинофестиваль, она сразу оказалась в центре внимания. Имя Влади уже было окружено ореолом славы — ее знаменитая колдунья в одноименном фильме Андре Мишеля, о современной экранизации купринской «Олеси», околдовала сердца, покорила души. Потом был Московский фестиваль 1965 года, где Марина была членом жюри. Два года спустя — знакомство с Высоцким.

«Владимир, или Прерванный полет» — книга Марины Влади о Владимире Высоцком, переведенная на русский язык, издана в нашей стране. Долгий, отзывающийся щемящей болью монолог, безответное послание к любимому человеку. В связи с выходом русского издания книги Марина Влади вновь побывала в Москве. Беседа с ней состоялась, что называется, «под занавес», перед самым отъездом актрисы в Париж.

— На полках ваших книжных магазинов книга явно не залежалась. Мы решили встретиться с публикой после просмотра фильма Петра Солдатенко «Я не люблю». Этот фильм меня очень тронул, я была потрясена, когда первый раз увидела его в январе этого года. Наше общение с залом было открытым, непосредственным. Вообще это был удивительный эксперимент, я даже не предполагала, что люди будут столь откровенны в высказывании вслух своих мыслей.

— Мне кажется, в данном случае иначе и не могло быть.

— Но ведь это невозможно было бы представить несколько лет назад — ни этих открытий, ни издания этой книги.

— Разговоры о Владимире Высоцком были всегда. Но, на мой взгляд, в связи с именем поэта на сегодняшний день есть две другие неприятные тенденции обратного свойства: с одной стороны, спекуляция на имени, с другой, превращение человека, у которого «из-под кожи сочилась душа», в некую монументальную статую.

— Она во многом создана людьми, которые в каком-то смысле взяли в «плен» Высоцкого, взяли его как свою собственность и теперь говорят о нем как о другом человеке. И я хотела хотя бы попытаться рассказать о том, кем он был на самом деле. Конечно, мой взгляд может отличаться от мнения тех людей, которые после смерти Володи вышли на авансцену, стали выступать в больших аудиториях, на страницах прессы, используя имя и популярность Высоцкого.

Правда не всегда бывает приятной, иногда она бывает жестокой. Но в конце концов я

имею право писать то, что я знаю, то, что я видела, что было частью моей жизни. И слово «клевета», которое было произнесено, к реальному положению вещей не имеет никакого отношения. Клевета — это когда неправду говорят, а я сказала правду.

На Ваганьковском кладбище я увидела картину, которая ввела меня в шоковое состояние. За два рубля там торгуют нашими с Володи фотографиейми — домашними фотографиейми, которые были в нашем доме. Как они туда попали? На днях ко мне подошел один человек и предложил выкупить хотя бы небольшую часть моих частных писем. То есть на рынке можно обнаружить мои письма, мои любовные письма к Володе! Самое личное, самое интимное выставлено напоказ, на всеобщее обозрение.

После этого я уже стал подумывать, что не с того конца начал, однако Марина, вероятно, почувствовала мое замешательство, сама решила разрядить обстановку: «Жду других вопросов».

О своей последней работе в кино, в фильме Этторе Сколы «Сплендор» (перевести его можно как «Великолепие») Марина Влади говорит как о счастливой возможности сотрудничества с одним из самых интересных режиссеров в сегодняшнем кинематографе. «Сплендорами» назывались маленькие кинотеатры в Италии, которые безвозвратно ушли в прошлое.

— История, рассказанная Этторе Сколой, — ностальгическое воспоминание об ушедшей эпохе, когда кино еще было магией, чудом. Действие картины, которую можно назвать своеобразной историей кинематографа, прои-

ходит с 1939 года до наших дней. Мой партнер в фильме — Марчелло Мастроянни.

— С Мастроянни вы снимались в «Днях любви», давнем фильме Джузепе Де Сантиса, который хорошо у нас известен.

— Это был один из первых итальянских цветных фильмов, съемки его проходили на юге Италии. Мне было пятнадцать лет, Марчелло — двадцать девять. К этому времени я уже успела сняться в нескольких лентах, ведь кинодебют состоялся, когда мне едва исполнилось одиннадцать, но в картине Де Сантиса была моя первая крупная работа в кино.

— С тех пор прошло 35 лет, и в сегодняшнем французском кино вы занимаете положение, которое позволяет вам выбирать роли, сценарии. Но, насколько я понимаю, одна из главных проблем состоит в том, что для актрис среднего поколения (именно актрис, а не актеров) серьезных предложений во французском кинематографе появляется все меньше.

— Эта проблема существует не только во французском кино. Когда наступает определенный возраст, у актрисы в лучшем случае остаются роли классического репертуара в театре. В кино же серьезные роли постепенно исчезают, потому что сценаристы их почти не пишут. Это начинаешь понимать после сорока. Можно даже выстроить определенную схему: сначала идут молоденькие девушки, потом зрелые женщины, а после — дыра. К себе я это не отношу, потому что снималась постоянно, без перерывов.

— Я знаю, что в театре у вас за последнее время были две крупные работы — роль Гертруды в «Гамлете» и роль Бабушки в «Невероятной истории Эрендиры», сценической интерпретации романа Габриэля Гарсиа Маркеса.

— Последней работой я особенно дорожу, ведь я первая сыграла роль бабушки Эрендиры на театральной сцене. Вспоминаю эту роль с восторгом, для меня это был замечательный момент в моей жизни...

После двенадцатилетнего перерыва я стала вновь играть в театре, когда судьба — смерть Володи — сделала так, что я подолгу смогла быть во Франции. Ведь наши театральные контракты предполагают, чтобы актер в течение, предположим, ста вечеров кряду выходил на подмостки сцены.

— А в каком соотношении в вашем творчестве сегодня находятся кино и театр, чему вы отдаете предпочтение?

— Мне одинаково дорого то и другое. Но теперь я предпочитаю играть лишь то, что близко моей душе, что доставляет мне подлинную радость. Я уже не хочу играть так, словно игра — это работа.

— В таком случае интересно узнать, пьесы каких авторов вам наиболее близки.

— Моим любимым писателем всегда был и остается Чехов. Разница лишь в том, что раньше я его читала по-французски, а теперь продолжаю читать по-русски. Я ничего лучше не читала в жизни, и во многом благодаря чтению Чехова почувствовала собственный вкус к письму. Сейчас я пишу рассказы, в будущем, надеюсь, выйдет сборник, но пока говорить об этом рано.

Чеховские образы Марина Влади называет в числе своих любимых ролей. Она играла графиню Драницкую в экранизации «Степи» итальянского режиссера Альберто Латтуады. В фильме Сергея Юткевича «Сюжет для небольшого рассказа» воплотила образ Лики Мизановой, женщины, которая вдохновила Чехова на создание одной из лучших его пьес — «Чайки». Более двадцати лет назад на сцене парижского театра «Эберто» в постановке Андре Барсака выступила в роли Ирины в «Трех сестрах».

Я показываю Марине выцветшую фотографию из этого спектакля, помещенную в отечественном киножурнале тех лет. Влади взволнована. Там ее партнершами были родные сестры — Огиль Версуа и Элен Валье. Теперь их нет в живых. «Из четырех нас осталось двое», — роняет она.

— Марина, как бы вы определили для себя понятие счастья?

— Не знаю, существует ли оно вообще. Если и существует, то как миг — поймать очень трудно. Он наступает, когда сделано что-то важное, я чувствую его, когда нахожусь в горах, когда пишу. Любовь — это особая тема. Но полного, бесконечного счастья, наверное, не существует. Счастье — это мгновения жизни.

Беседу вел
Азиз ОСИПОВ.

● Марина Влади.

Фото А. Тягны-Рядно.